

ВВЕДЕНИЕ

Илья-пророк в русской традиции

Яже на воздухе колесница тя подъемши
огненосна, яко в трусе на небеса, огнедох-
новенную благодать тебе чудес подаде,
Илия Фесвитянине, нетленна тя сотворише
еже не видети смерти, доидеже убо пропо-
веси всяческим кончину. Тем же прииди,
подая нам твоих исправлений наказание.

Еще сто лет назад, когда в небесах слышались раскаты грома, в России верили, что это Илья-пророк за облаками разъезжает на своей колеснице, вызывая гром и молнию. И каждый год на Ильин день (20 июля по старому стилю) люди ждали грозы. Тому есть и свидетельства литературы. Так, нигилист Базаров в «Отцах и детях» с презрением отзывается об этом поверье как о признаке российской отсталости:

Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним?¹

А вот Гончаров в романе «Обломов» с большим пониманием упоминает это распространенное в народе верование:

Грозы не страшны, а только благотворны нам: бывают постоянно в одно и то же установленное время, не забывая почти никогда Ильина дня, как будто для того, чтобы поддержать известное предание в народе.²

Итак, Илья-пророк, небесный хозяин гроз и дождей... Предание это, безусловно, древнее, уходящее корнями в дохристианские верования, и связано оно с одним из самых могущественных богов славянского языческого пантеона — богом грома Перуном. После крещения Руси повелителем грома и молний вместо Перуна стал библейский пророк Илия

¹Тургенев И.С. Полное собрание сочинений в 30 т. М., 1981, т. 7, с. 49-50.

²Гончаров Н.А. Собрание сочинений в 6 т. М., 1972, т. 4, с. 104.

(или Илья, как принято произносить это имя в русской христианской традиции. Так мы и будем называть пророка в нашей книге — за исключением тех мест, где речь о пророке идет строго в пределах библейского текста и где его следует называть Илией). Зная об этой «преемственности», нетрудно догадаться, почему из всех христианских святых именно Илья завоевал особую популярность у восточных славян. Есть свидетельства, что Илья-пророк был главным героем ранних былин о крещении Руси. Но со временем, по мере того, как песни передавались из поколения в поколение, исконное библейское происхождение этого былинного героя все более и более затемнялось. И где-то к шестнадцатому веку он появляется уже в былинах в образе могучего русского богатыря Ильи-Муромца.

Загадочная и многозначная фигура этого библейского пророка, связанного со специфически славянской мифологией, притягивала Достоевского; писатель, безусловно, понимал значение Ильи-пророка как духовного символа России. И на пути постижения «русской души», на пути мучительного угадывания и пророчествования исторической судьбы страны Достоевский постоянно использует этот образ, вплетая его в ткань своих глубоко символических произведений. Можно, не преувеличивая, сказать, что Илья-пророк — это тот мифологический персонаж, который лежит в основе целого ряда творений великого русского писателя, которые, собственно, и составят предмет нашего исследования. Перед тем, как обратиться к творчеству Достоевского, однако, остановимся чуть подробнее на тех верованиях, которые были связаны с Ильей-пророком в церковной и фольклорной традициях на Руси.

Никаких песен или сказаний о славянском предшественнике Ильи — Перуне — не сохранилось (по крайней мере, таких, которые были записаны во времена язычества и сохранились в первоначальном виде). Поэтому сведения о Перуне приходится собирать по крупицам — в скудных упоминаниях об «идолах поганных» в ранних летописях, в таком жанре древнерусской литературы, как «поучения», — и, наконец, в «Слове о полку Игореве».

Имя языческого бога живет и сейчас в некоторых славянских языках — в словах, обозначающих молнию (русское

«перун»,¹ польское «*perun*» и т.д.). Священным деревом Перуна был дуб — этот «Перунов дуб» упоминается в ранних летописях.² Священным животным Перуна почитался тур. Перун был богом, если можно так выразиться, «двойственным», и милостивым, и карающим одновременно: он был и «подателем» дождя, т.е. источником жизни и плодородия, и «громовержцем» — грозным воином с мечом и палицей в руках. Об этой палице сохранилось даже несколько рассказов в письменных источниках. Так, в одной из летописей говорится: когда при крещении Новгорода идола Перуна бросили в Волхов и он поплыл по реке, то бес, вошедший в идола, подбросил вверх палицу, которая упала на мост. Благочестивый летописец замечает, что неразумные люди до сих пор продолжают бить друг друга этой палицей, чем «утеху творят бесам».³

Что же касается могучего тура, «перунова зверя», то он появляется в «Слове о полку Игореве», в метафорическом описании одного из князей. Этот «ярый тур» прышет стрелами — как дождь, гремит мечами — как гром, а шлем его сверкает, как молния:

Ярь туре Всеволоде!
Стоиши на бороши,
прыщеша на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломи мечи харалужными!
Камо турь поскочаше,
своимъ златымъ шеломомъ посвъчивая,
тамо лежать поганяя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя
от тебе, ярь туре Всеволоде!⁴

¹ Это слово употреблялось еще в XIX веке. У Достоевского в «Преступлении и наказании» Илья Петрович обрушивается «всеми перунами» на содержательницу притона.

² См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841, т.3, с.207.

⁴ Цит.: Повести древней Руси. Под ред. Д.С.Лихачева. Л., 1983, с.382.

Это традиционное эпическое описание воина, по-видимому, восходит к ритуальным песням, в которых бог грома и дождя изображался в виде бегущего тура, приносящего плодородие. Эти же языческие песни лежат в основе святочных и весенних песен об Илье, Яриле и козе (которая тоже символизирует собой плодородие — как тур, как Илья и Ярило из этих песен).

И еще об одном персонаже в языческом пантеоне древних славян следует упомянуть: это Змей. Вероятно, именно Змей выступал в мифах как извечный противник Перуна.¹ Есть основания полагать, что Змей — это тот загадочный языческий бог «Троян», который упоминается в «Слове о полку Игореве». По сути дела, почти все фольклорные данные о каком-либо «Трояне» ведут как раз к Змею. Например, известна болгарская песня о святом Георгии и Змее, где действие происходит в городе «Трояне». Сохранилась также и сербская волшебная сказка о Трояне, который приходит к женщине каждую ночь и покидает ее на рассвете, с первым криком петуха. Но когда муж этой женщины (или брат, в другом варианте) вырывает у петуха язык, то Троян остается дольше положенного и гибнет с первыми лучами солнца. В одном из вариантов этой сказки у Трояна три головы, а в другом вместо Трояна к женщине приходит Змей.²

Думается, что все эти облики чудовища суть различные варианты «огненного Змея», который, согласно славянским верованиям, имеет обыкновение приходить к женщинам по ночам — особенно ко вдовам. Следы веры в языческого Змея-Трояна сохранились у славян не только в фольклоре, но и в географических названиях. Так, каменные «Пороги» по обеим сторонам Днепра назывались «Трояновы валы», а иногда и «Змеиные валы».³ В «Слове о полку Игореве» упоминается седьмой век (т.е. седьмое тысячелетие) Трояна — число, ко-

¹ Образ Змея в славянской мифологии рассматривается в кн.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1865-1869. См. также: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования..., М., 1974.

² Миладинов Д., Миладинов К. Български народни песни. 4 изд. София, 1961, № 31, 38. См. также: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения..., т.1, с.642-644.

³ Именно «порогами» называются эти каменные сооружения на берегах Днепра. Об их двойном названии см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения..., т.1, с.560-561.

торое ведет нас к центральному воплощению зла в Апокалипсисе — Змею, который будет побежден в седьмом тысячелетии, при светопреставлении.

Как видим, к моменту крещения Руси у славян в мифологической традиции имелся Змей и бог-громовержец. Зная это, нетрудно понять, почему дракон из Апокалипсиса и особенно библейский Илия привлекли такое внимание новокрещенных славян. Ведь если мы обратимся к Илии в Библии, то там пророк обладает многими качествами, присущими Перуну. Так, в 3 книге Царств 8 Илия наделен способностью вызывать дождь. В поединке со жрецами Ваала Илия поджигает жертвенник небесным огнем, и этим же небесным огнем он поражает воинов Оходзии в 4 книге Царств 1. В 4 книге Царств 2 Илия уносится на небо в огненной колеснице, запряженной огненными конями. При этом сказано, что колесница уносится в вихре — а в славянских церковных текстах говорится еще и о землетрясении, которым сопровождается чудесное вознесение пророка:

В трусе и вихре тонце видел еси Божие пришествие, Илие богоблажение, просвещающее тя древле: на колеснице же сядя четверокошней, небо прееждал еси страннолепно, удивляемь, богодухновение.¹

Можно найти в Библии и соответствия (пусть не прямые) борьбе между Перуном и Змеем. Так, в Откровении 11 «зверь, выходящий из бездны» — иногда он отождествляется с драконом из 12-й главы Откровения — побеждает двух «свидетелей Божьих». Этими двумя свидетелями, согласно традиции русской православной церкви, являются Енох посвященный и Илия; на это указывает ряд источников, в частности, «Откровение Мефодия Патарского», хорошо известное в Киевской Руси. По Мефодию, именно Илии и Еноху Посвященному суждено разоблачить Антихриста перед Страшным Судом. А в Откровении Св. Иоанна говорится еще и о том, что этим двум свидетелям на время их пророчествования дается власть над дождем.

¹ Миния праздничная, содержащая службы Господним и Богородничным праздникам и святым избранным. М., Московская патриархия, 1970, с. 655.

Итак, библейский Илия, властный над огнем, дождем, молниями и совершающий богоподобные шествия по небу, стал восприниматься славянами как христианское соответствие их языческого бога-громовержца. Такое его восприятие еще более укрепилось оттого, что день Св. Ильи (20 июля) приходится на то время, когда грозы особенно часты. Эта связь между Перуном и Ильей хорошо видна в самом начале распространения христианства на Руси, например, в том ритуале, который последовал за заключением договора с Константином киевским князем Олегом в 945 году. Те из княжеской свиты, что были язычниками, дали клятву на идоле Перуна, а те, что были христианами, — в церкви Ильи-пророка.¹

После крещения Руси князем Владимиром родилось сказание о том, как Илья — тогда, по-видимому, это был все-таки еще Илья, хотя в поздних, записанных вариантах былины перед нами уже Илья-Муромец — появляется в Киеве и освобождает город от ожившего идола. Уж не является ли этот противник Ильи идолом Перуна, предшественника нового, христианского, громовержца? Описание чудовища, правда, более походит на облик зверя из Откровения Св. Иоанна, а вся христианизация Руси в сказании рассматривалась, в соответствии с Откровением, как седьмое, последнее тысячелетие для языческих богов — т.е. как апокалиптический конец язычества и пришествие царства Божия на Русь.

Следы библейского происхождения Ильи сохраняются и позже — когда пророк появляется в образе русского богатыря Ильи-Муромца. Например, в белорусском эпосе Илья-Муромец поднимается на небеса, чтобы там управлять громом и молниями.² В ранних вариантах былины Илья получает посох от Святого Иоанна — а по древнему поверью, которое отражено и в ряде церковных текстов, Иоанну вместе с Ильей и Енохом суждено противостоять Антихристу. Образ Св. Иоанна в былинах также претерпевает изменения, подобно Илье. И в версиях, записанных в более позднее время, Св. Иоанн появляется в образе могучего странника Иванища, чья палица весит «сто пудов». Как видим, духовная мудрость и

¹ Полное собрание русских летописей. Л., 1926, т.1, с.54.

² См.: Беларускі эпас. Под ред. П.Ф.Глебкі, І.В.Гутарова. Мінск, 1959.

авторитет Апостола превращается здесь в грубую физическую силу.

Вернемся к Достоевскому. Вне всякого сомнения, писатель осознавал, какое большое духовное значение имеет былинный сюжет об Илье, Иванище и Идолище. В черновиках к «Подростку» странник Макар Иванов (своеобразный литературный аналог Иванища) пророчествует о пришествии Илии, Еноха и Антихриста.¹ Иванище и Илья-Муромец упоминаются в записных книжках писателя, и Достоевскому представляется, что Илья-Муромец — это «идеал русского народа».² В таких произведениях, как «Село Степанчиково и его обитатели», «Хозяйка», — Достоевский создает сложную ткань символов и иносказаний, которые ведут к этому былинному герою, а образ Ильи-Муромца, в свою очередь, «взаимодействует» с центральной символической фигурой в творчестве Достоевского — Ильей-пророком. Именно анализ этого сложного, многогранного образа в творчестве писателя и является предметом нашего исследования.

¹ См.: Ф.М.Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Под ред. И.И. Анисимова. — В кн.: Литературное наследство. М., 1965, т. 77, с. 388, 389, 368-369, 357.

² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972, т.24, с.309. См. также: т.20, с.189, т.22, с.153, 161, т.24, с.169. Далее в тексте данное полное собрание сочинений — ПСС.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Илья-пророк в «Преступлении и наказании»

Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь!

[...] воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром.

Дмитрий Карамазов

«Преступление и наказание» — это рассказ о пути убийцы к раскаянию. Как всем известно, очевидных улик против Раскольникова нет, он мог бы и не сознаваться в убийстве, но к раскаянию в своем преступлении его ведет внутреннее, духовное осознание необходимости принять страдание за свои грехи. По Достоевскому, все люди несут в себе частицу духа Христова, и Родион Раскольников как бы проходит духовный путь всего человечества. Само же его преступление можно сравнить с библейским грехопадением Адама, тем более что ряд деталей в романе прямо отсылает нас к Библии.

«Ноев ковчег» — так называет письмоводитель в полицейской конторе тот дом, где жила процентщица.¹ Он, конечно, хотел высказаться в том смысле, что дом этот большой и убийце в нем есть где спрятаться, — но ведь это еще и авторское напоминание о ковчеге, с помощью которого человечество спаслось после грехопадения Адама и злодеяний его потомков. Достоевский как бы делает герою некий намек, обещание спасения, и эта надежда, то исчезая, то появляясь вновь, сопровождает Раскольникова на протяжении всего романа. Следом за Христом идет Раскольников к страданию и искуплению. Об этом свидетельствуют многочисленные символические детали, которыми отмечен его путь. Так, он приходит к Соне в дом Капернаумовых. Фамилия эта происходит от названия города Капернаум — одного из тех городов, куда, исцеляя недужных, заходил Христос на пути в Иерусалим (а в другом из городов, уже близ Иерусалима, Христос воскре-

¹ Все цитаты из окончательной редакции «Преступления и наказания» даны по ПСС, 1973, т. 6, с указанием страницы в тексте.

шает Лазаря). В романе Достоевского и Капернаумов, и его жена хромы и страдают косноязычием, сама Капернаумова почти глуха, старший сын ее заикается и остальные дети больны — словом, этот заброшенный дом, прибежище калек и блудницы, и в самом деле напоминает библейский Капернаум, судьбу которого Христос сравнил с судьбой Содомы (Матфей 11:23-24). И, конечно же, именно у Капернаумовых Соня читает Раскольникову о воскрешении Лазаря.

Когда Раскольников идет с повинной, он «берет на себя крест», который дала ему Соня. Затем он становится на перекрестке («перекресток» от слова «крест»; вспомним слова Раскольникова: «Я за твоими крестами, Соня. Сама же ты меня на перекресток посылала»), кланяется народу и целует землю. А зеваки, издеваясь над ним, говорят, что он «На поклон в Иерусалим идет». По дороге в полицейскую контору Раскольников думает о том, что нужно «выпить чашу» — подобно тому, как думал о чаше Сын Человеческий в Гефсиманиевском саду. Если путь Раскольникова подобен пути Иисуса на Голгофу, то Соня во многом повторяет путь Марии Магдалины — блудницы, последовавшей за Христом к месту Его распятия. Следом за Раскольниковым Соня идет в полицейскую контору и, позже, в Сибирь; в ранних набросках романа так и говорится о ней — что она идет за ним «на Голгофу».¹ Когда Раскольников, уже в Сибири, лежит в горячечном бреду, то Соня ожидает его «у госпитальных ворот» — так же, как Мария Магдалина «стояла у гроба» Христа.² И, наконец, духовное воскресение Раскольникова происходит сразу же после Пасхи, праздника Христова воскресенья.

Итак, нигилистическая идея «поглотила» сознание Раскольникова и привела его к убийству старухи процентщицы. На пути преодоления этой идеи Раскольников встречается с другими «великими грешниками», в которых он, по замыслу автора, видит отражение своей падшей души. Среди них Свидригайлов — своеобразный вариант «последовательного» нигилиста и убийцы, который идет в своем падении до конца, в пустоту, к самоубийству. Среди них и Мармеладов — пьяница, который кричит: «Распни меня!» — и идет со своей

¹ПСС, т.7, с.192

²Мария Магдалина, кстати, была родом из Магдала, города около Капернаума. На это, думается, неслучайное совпадение указано в примечаниях ПСС, т.7, с.365—366.

пьяной «чашей скорби» таким же, похожим на самоубийство путем. Но, кроме этих «падших душ», Раскольников встречается еще и с другими людьми — с носителями тех неписанных законов человеческой жизни. Этим законам сам Раскольников бросает вызов, и с ними он оказывается все-таки связан, несмотря на весь свой бунт. Среди этих людей для нас важен сейчас не столько следственный пристав Порфирий Петрович (который — помните? — мучает Раскольникова и издевается над ним), сколько Илья Петрович «Порох» — помощник полицейского надзирателя, к которому в конце романа Раскольников приходит с повинной.

Илья Петрович выступает в трех глубоко символических эпизодах: первый раз, когда Раскольникова вызывают в полицейскую контору за неуплату квартирной хозяйке; второй раз, когда Раскольников видит во сне, как Илья Петрович избивает его хозяйку; и третий раз, когда убийца сознается во всем, снова придя в полицейскую контору. «Порох» — это прозвище, данное Илье Петровичу в полку его друзьями за огненный темперамент. В первый раз это прозвище упоминается в соседстве со словом «порок». «Бедность не порок, дружище, ну да уж что! Известно, порох, не мог обиды перенести...» (80) — отзывается об Илье Петровиче полицейский надзиратель. Таким образом, выстраивается ассоциативно-звуковой ряд: «порок», «порох»... Так и хочется завершить этот ряд словом «пророк» — и появляется неожиданная игра слов и образов, и исчезнет на минуту вспыльчивый помощник полицейского надзирателя, и возникнет вместо него грозная фигура Ильи-пророка, повелителя грома и молний из народных верований.¹ Добавим к этому, что у Достоевского и у его

¹ Прототипом Ильи Петровича Пороха послужил реальный полицейский, который помогал Достоевскому, когда тому в июне 1865 года грозила тюрьма за неуплату долгов. См.: ПСС, т. 7, с. 370. В «Преступлении и наказании» есть и другая игра слов, на которую следует обратить внимание. Сразу же после разговора о нигилистах Илья Петрович по ошибке называет Свидригайлова *Нилом* Павловичем (407-408). Если соотнести эту «ошибку» с цитатой, которую приводит сам Свидригайлов: «И я человек есть еі піhil нїтапш...» (215) — то выяснится, что и «ошибка» Ильи Петровича, и высказывание Свидригайлова указывают на нигилизм самого Свидригайлова. Другим примером словесной игры может служить путаница с названием дома, в котором жил Раскольников. «Искал, искал я этот Харламов дом, — а ведь вышло потом, что он вовсе не Харламов дом, а Буха — как иногда в звуках-то сбиваешься...» (96) — говорит Разумихин.